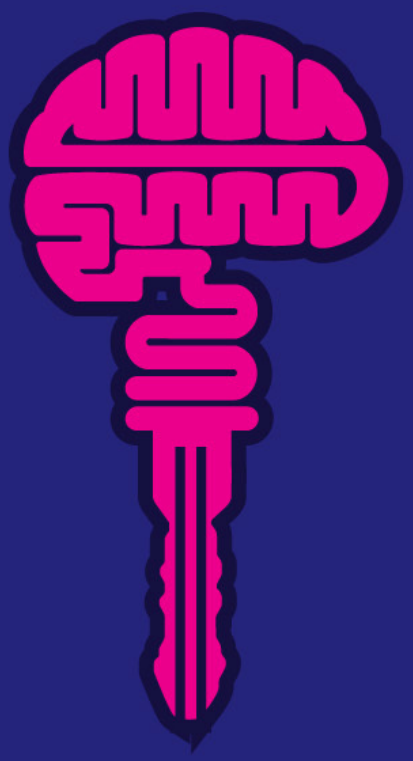
РЕНЕ ДЕКАРТ

Мыслю, следовательно, существую



Человеку, исследующему истину, необходимо хоть один раз в жизни усомниться во всех вещах – насколько они возможны

Мало иметь хороший ум, главное – хорошо его применять

СОМНЕВАЙСЯ ВО ВСЕМ

С КОММЕНТАРИЯМИ И ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

Популярная философия с иллюстрациями

Рене Декарт

Сомневайся во всем. С комментариями и иллюстрациями

«Издательство АСТ»

1640

УДК 1(091)(44)
ББК 87.3(4Фра)

Декарт Р.

Сомневайся во всем. С комментариями и иллюстрациями / Р. Декарт — «Издательство АСТ», 1640 — (Популярная философия с иллюстрациями)

ISBN 978-5-17-112159-4

Рене Декарт — выдающийся математик, физик и физиолог. До сих пор мы используем созданную им математическую символику, а его система координат отражает интуитивное представление человека эпохи Нового времени о бесконечном пространстве. Но прежде всего Декарт — философ, предложивший метод радикального сомнения для решения вопроса о познании мира. В «Правилах для руководства ума» он пытается доказать, что результатом любого научного занятия является особое направление ума, и указывает способ достижения истинного знания. В трактате «Первоначала философии» Декарт пытается постичь знание как таковое, подвергая всё сомнению, и сформулировать законы физики. Тексты снабжены подробными комментариями и разъяснениями. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 1(091)(44)
ББК 87.3(4Фра)

ISBN 978-5-17-112159-4

© Декарт Р., 1640
© Издательство АСТ, 1640

Содержание

Рене Декарт – философ и ученый у истоков Нового времени 6
Сомневайся во всём 14
Правила для руководства ума 14
Правило I 14
Правило II 16
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Рене Декарт
Сомневайся во всем. С комментариями и иллюстрациями

© Н. Карпицкий, составление, предисловие, преамбулы к текстам, комментарии, 2021
© С.Я. Шейнман-Топштейн (наследник), перевод, 2021
© ООО «Издательство АСТ», оформление, 2021

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

Рене Декарт – философ и ученый у истоков Нового времени

Понять философию – означает понять самого философа, его личность. В науке не так. На основе научной теории мы ничего не можем сказать о личности ученого. Однако для Рене Декарта наука и философия были неразделимы и служили выражением его личной жизненной позиции. Тем более что Декарту довелось жить в период, когда шел поиск непроторенных путей развития науки. В эту переходную эпоху ставились принципиально новые вопросы и создавались новые концепции, не укладывающиеся в старую средневековую картину мира. Поэтому в поиске новых путей развития науки самым важным становилась сама личность ученого, его убеждения и жизненный опыт.

Рене Декарт (1596–1650 гг.) не просто жил в переходную эпоху, но сам оказался активным ее творцом, оказав решающее влияние на дальнейшее развитие науки и философии. Он был выдающимся математиком, физиком и физиологом. Мы до сих пор используем созданную им математическую символику, а его система координат отражает интуитивное представление человека эпохи Нового времени о бесконечном пространстве. Однако Декарт был не просто ученым, а одним из основоположников новой научной традиции. Задача ученого состояла в том, чтобы приращивать и обрабатывать эмпирическую информацию, т. е. знание о внешнем мире, в то время как основоположник научной традиции должен был предвидеть, в каком направлении будет развиваться наука, и Декарт действительно видел перспективу науки благодаря собственной философской позиции.

В отличие от ученого философ развивает знание исключительно теоретически, в пределах ума, на основе интуитивно найденных предпосылок, которые удостоверяются его личным опытом в качестве самоочевидных истин. Поэтому столь важно понять самое главное жизненное устремление философа, что он считает самоочевидным и из какой идеи исходит в понимании себя и своего места в мире. Для Декарта таким основным жизненным устремлением было познание мира, но не просто познание каких-либо внешних вещей или событий, а их понимание на прочной основе, которую дает теоретический разум. Этот путь Декарт стремился пройти честно, не замалчивая противоречия и не прячась от неразрешимых вопросов. Поэтому, обладая самыми разносторонними интересами в области физики, биологии и психологии, он стремился опираться на фундамент философии и математики, которые давали несомненное теоретическое знание.

Для человека средневековой эпохи прочной основой всякого знания являлось божественное откровение. Объяснить что-либо с позиции науки того времени – означало понять в свете божественного разума, соотнести с высшей истиной откровения. Современный ученый ищет объяснение совсем в ином, а именно – в понимании того, как связаны структурные элементы явления между собой и с окружающей действительностью. Однако Декарт принадлежал переходной эпохе, и поэтому объяснение он искал в соотнесенности целостным самоочевидным знанием, только основой такого знания становятся уже не само божественное откровение, а принципы и самоочевидные идеи, которые заложены в разуме самого человека. Этот новый подход открывает путь критического переосмысления исходных теоретических предпосылок всякого знания, которые мы теперь берем не на веру, а путем исследования и разрешения сомнений.

Родился Рене Декарт 31 марта 1596 года во Франции, в старинном, но обедневшем дворянском роду. Мать умерла, когда ему был год. Отец был судьей и советником парламента в другом городе, и на сына у него оставалось мало времени, поэтому воспитанием занималась

бабушка по матери. Любознательность маленький Рене проявлял с раннего возраста, и отец даже в шутку называл его маленьким философом.

В детстве Декарт не отличался крепким здоровьем, потому в иезуитский колледж поступил поздно, лишь в 1607 году. В коллеже он получил не только религиозное образование, но и знания по математике и физике, познакомившись также с работами Галилео Галилея. После окончания коллежа он два года изучал право в университете Пуатье и в 1616 году получил степень бакалавра по каноническому и гражданскому правам, затем переехал в Париж, где вел разнообразную и беспорядочную жизнь. Усталость от светской жизни и стремление к путешествиям побудили его поступить на службу в армию. В 1618 году Декарт присоединился к протестантской армии в Голландии, совмещая военную службу с занятиями математикой. В это время он познакомился с другим выдающимся ученым своего времени – Исааком Бекманом, и уже вместе они разрабатывали математический подход к анализу физических процессов. Бекман был одним из первых ученых Нового времени, разрабатывавших атомистическую теорию, однако Декарт не разделял учение об атомах, предложив впоследствии концепцию бесконечной делимости материи.

В 1619 году Декарт поступил на службу к герцогу баварскому Максимилиану и во время Тридцатилетней войны служил уже в католической армии в Германии, участвовал в битве за Прагу, а позже принимал участие в знаменитой осаде Ла-Рошели.

В 1629 году он поселился в Голландии, отдавшись научной работе. В 1634 году закончил свой первый программный труд «Мир», но так и не решился его издать, услышав об осуждении Галилея, чьи взгляды о движении Земли были ему близки. Далее Декарт написал «Рассуждение о методе» (1637 год), «Размышления о первой философии» (1641 год), «Первоначала философии» (1644 год).

В 1635 году у Декарта родилась внебрачная дочь Франсина, которая в возрасте пяти лет умерла от скарлатины. Ее смерть стала тяжелейшей утратой в его жизни.

В 1649 году он принял приглашение шведской королевы Кристины, которая давно интересовалась его философией, и переехал в Стокгольм. Декарт давал королеве уроки три раза в неделю в пять утра, но вскоре простудился и умер, вероятно, от пневмонии.

В 1663 году Папа Александр VII поместил работы философа в «Индекс запрещенных книг»[1], а в 1671 году король Франции и Наварры Людовик XIV запретил преподавать картезианство в учебных заведениях страны.

Тем не менее влияние Рене Декарта на умы последующих мыслителей было огромно. Его вклад в философию невозможно переоценить. Он заложил основание рационализма в новоевропейской философской традиции. Этому способствовали три обстоятельства: талант, стремление к познанию и время, в которое ему довелось жить.

С одной стороны, Декарт в своих натурфилософских рассуждениях во многом мыслил, как средневековый ученый. В частности, он обосновывал научное знание о физических процессах не на основе эксперимента, как его современник Галилео Галилей, а на интуитивных догадках ума исключительно методом умозрения. С другой стороны – многие явления мира он осмыслял уже как человек новой эпохи, в том числе идею бесконечности мира. Мысль Декарта принадлежит двух разным эпохам, носит переходный характер и отвечает на вызов Нового времени. Этим вызовом стал неразрешимый вопрос, который до сих пор ставит в тупик. Каким образом можно убедиться в достоверности познания мира? Декарт считал жизненно значимым найти ответ на этот вопрос, для чего использовал метод радикального сомнения – усомниться во всем, в чем только можно, благодаря этому выявить несомненное и построить на нем прочное здание философии и науки.

---

[1] «Индекс запрещенных книг» – список изданий, которые были запрещены к чтению и изучению Римско-католической церковью под угрозой отлучения.

Этот вопрос не стоял ни перед античными, ни перед средневековыми мыслителями. Он оформился четыре столетия назад и до сих пор ставит людей в тупик. Когда, например, они смотрят фантастические фильмы, в которых мир оказывается порождением чьего-то сознания или виртуальной реальностью.

Начало эпохи Нового времени ознаменовано великими географическими открытиями, революцией в науке, утверждением гелиоцентрической концепции, ориентацией науки на эксперимент, Реформацией и Тридцатилетней войной. В этот период в культурном сознании изменяется основополагающая познавательная установка, которая потом оформилась в философской идее познания как отражения реального мира в сознании человека. В античной и средневековой культурах человек не ставит под сомнение реальность мира, потому что изначально удостоверяет свое существование только внутри мира. Однако человек Нового времени изначально подтверждает свое существование внутри собственного сознания и уже на основе этого признает реальность окружающего мира. В результате возникает двойственность миропонимания, которую не могли представить люди более ранней эпохи: с одной стороны, мир существует сам по себе, с другой стороны – мир явлен человеку внутри его сознания, образуя внутреннюю вселенную человека – субъективность.

Рассмотрим идею познания как отражения на простом примере. Допустим, глаза улавливают отраженный от дерева свет и передают сигнал в мозг. В свою очередь, работа мозга порождает образ дерева в сознании. Человеку дан только внутренний мир его сознания – субъективность, поэтому он воспринимает не дерево само по себе, а образ дерева, отраженный в сознании. У античного человека не было представления о субъективности – внутреннем мире сознания, поэтому внешние вещи даны не в отражении, а сами, как они есть. Если человек видит дерево, то и воспринимает само дерево как таковое. Древнегреческие философы обосновывали познание как восприятие самой реальности. Платон полагал, что умом можно видеть сущность вещи – ее идею. Эта идея воплощается в материи и в таком виде непосредственно воспринимается органами ощущений. Это означает, что видимый мир и есть реальный мир как таковой, поэтому усомниться в реальности мира ни Платон, ни какой-нибудь иной античный или средневековый философ не мог.

Во времена Декарта уже сложилось представление о внутреннем мире сознания, в котором отражается мир внешних вещей. Но если так, то как мы можем убедиться, что вещи именно такие, как выглядят в восприятии. Может быть, они порождены внушением или собственной фантазией, а весь окружающий мир – иллюзия? Кстати, современные нейрофизиологи подтверждают, что активность мозга при галлюцинации идентична активности при реальном восприятии объекта. Все образы, в которых мы воспринимаем мир, мозг может продуцировать самостоятельно.

В таком случае как можно убедиться, что окружающий меня мир не сон и не гипноз? Может быть, мы все живем в виртуальной реальности? Ее вторжение в жизнь современных людей привлекло внимание к этому вопросу, который обыгрывается в кино и в фантастической литературе. Однако Рене Декарт продумал его четыре сотни лет тому назад.

Тут может возникнуть недоумение. Если я могу знать мир лишь так, как он явлен мне в моем сознании, то какая разница, какой он сам по себе? И вот тут мы узнаем об особой жизненной направленности к подлинности, которая у одних людей почему-то обнаруживается, а у других – нет. Казалось бы, какая разница мужчине, любит ли его женщина или лишь имитирует эту любовь? Ведь можно всю жизнь прожить в счастливом неведении, и единственное, что этому мешает – стремление к подлинности, заставляющее задумываться, а как же на самом деле. Именно это стремление к подлинности и побуждало Декарта искать незыблемые основы достоверного познания мира. Ему было жизненно важно убедиться, что дело его жизни – познание мира, это не пустая игра воображения, и мир, в котором он живет и принимает ответственные решения, к чему-то стремится, и есть настоящий и подлинный. Однако Декарт

понимал, насколько легко поставить под сомнение наше восприятие мира, поэтому философское обоснование надежного знания о нем стало его главной задачей.

Для решения этой задачи он прибегал к методическому сомнению – методу радикального сомнения. Допустим, как гипотетически предположил Декарт, некий злоко́зненный демон создает иллюзию реальности мира для меня, или, быть может, я в гипнозе, бреду, сновидении или виртуальной реальности, и вокруг только иллюзия, но даже в этом случае несомненно, что дважды два будет четыре. Можно усомниться в реальности мира, но невозможно усомниться в том, что треугольник ограничен тремя линиями.

В этом Декарт обнаруживал самоочевидные истины, которые называл «врожденными идеями». Термин неудачный, так как наталкивает на ошибочную мысль, будто у младенца с рождения уже есть какие-то идеи. Критикуя Декарта, Джон Локк писал, что сознание новорожденного подобно чистой доске, и никаких врожденных идей там быть не может. Эта критика несправедлива, поскольку Декарт не имел в виду, что идеи заложены в готовом виде с рождения. Речь о том, что человек приходит к идеям независимо от характера опыта. Например, он может и не изучать математику, но если приступит к изучению, то придет к истинам, которые ни от чего не зависят. Правильнее было бы назвать такие идеи не врожденными, а априорными. Но это слово ввел в употребление Иммануил Кант, во времена Декарта его еще не использовали.

Врожденных идей много, но необходима одна особенная, которая позволила бы обосновать реальность познаваемого мира. Декарта озарило во время военного похода. Было холодно, негде укрыться, кругом сгоревшие дома, и лишь печки оставались целыми, сохраняя тепло после пожара. Дабы согреться, Декарт закрылся внутри одной такой печки, и там, в темноте и тишине, оказался наедине с собой, отрезанным от окружающего мира. Даже если бы мир и был иллюзией, есть самоочевидное, которое независимо от восприятия мира – это самоочевидность собственного мышления. Невозможно поставить под сомнение идею: мыслю, следовательно, существую *(cogito ergo sum)*. Речь идет вовсе не о логическом выводе «если…, то…», а о самоочевидности обнаружения собственного существования.

Эта самоочевидная истина не зависит ни от чего. Она априорна, то есть первична по отношению к эмпирической реальности. Спустя столетие Иммануил Кант совершит революционный переворот в философии – он сделает чистое от эмпирического опыта априорное сознание главным предметом изучения. Но открыл этот уровень сознания еще Декарт, когда осознал себя как мыслящий субъект, независимый от эмпирического опыта.

Исходя из идеи *cogito ergo sum*, Декарт обосновывал сначала существование Бога, а потом и мира. Именно в таком порядке, поскольку, как бы это ни показалось многим странным, но существование Бога обосновать проще. Если атеист отрицает Бога, остается какое-то поле для дискуссий с ним, возможность обсуждать те или иные доводы за или против позиции атеизма. Но если атеист переходит на позицию нигилиста, отрицающего существование мира, то поле для дискуссий резко сокращается.

Декарт выстраивал умозрительную цепочку рассуждений без опоры на эмпирический опыт, который все равно, как он считал, недостоверен. Поскольку я сомневаюсь, я существо несовершенное. Но во мне есть идея совершенного существа, до которой я не могу сам додуматься, поскольку не обладаю совершенством. Следовательно, эта идея вложена в меня самим совершенным существом, то есть Богом.

На этой предпосылке обосновывается существование мира: Бог совершенен, потому не будет обманывать, создавая для человека иллюзию мира. Мир существует именно так, как его познает человек, иначе Бог не вкладывал бы в него уверенность в существовании творения. Мир познаваем, поскольку Бог вложил в разум человека те же законы, которые заложил в мироздание, а также наделил человеческий разум способностью исправлять ошибки в познании.

В дальнейшем при описании законов природы Декарт постоянно подчеркивал, что выводит их из самоочевидной идеи существования Бога. В основе средневековой картины мира лежала очевидность этого существования, и человек удостоверял истинность собственного бытия на основе причастности бытию Бога. Для человека Нового времени первичной очевидностью являлся он сам, его собственное существование, которое удостоверяет бытие мира или бытие Бога. В своей радикальной критике познавательных способностей человека Декарт выступал как человек новой эпохи, однако в обоснованиях законов природы он апеллировал к тому, что очевидно для человека предшествующей эпохи. Это подчеркивает переходный характер мысли Декарта.

Данная философская позиция определила характер научного подхода Декарта. В современной науке можно выделить два подхода: либо ученый исходит из объяснения конкретных фактов, находит теоретические объяснения конкретным процессам, но не очень заботится об обобщающей теории, либо изначально выстраивает фундаментальную теорию, которая призвана обобщить все известные факты, и лишь затем проверяет ее наблюдениями и экспериментами. Первый подход связан с традицией эмпиризма, в соответствии с которым все знание мы берем из внешнего чувственного опыта. Второй подход – с традицией рационализма, согласно которому достоверность знания нельзя обосновать только на чувственном опыте, так как из наблюдаемой взаимосвязи не следует, что эта взаимосвязь носит необходимый, а не случайный характер. Поэтому обосновать необходимый характер всех природных процессов и явлений можно только на основе законов, которые удостоверяются разумом.

Декарт как основоположник европейской традиции рационализма начинал всякое научное исследование не с анализа отдельных природных явлений, а с объяснения общих законов природы, на основе которых он объяснял все мироздание в целом, и уже на основе этого переходил к исследованию конкретных явлений.

Понятие закона природы использовал еще Кеплер, а Галилей, хотя и открыл множество законов природы, почти не использовал этот термин. Так или иначе, именно Декарт первым сформулировал понятие закона природы в том понимании, каким до сих пор пользуется современная наука. При этом он приходил к основополагающей для всей философской традиции рационализма идее о том, что законы, по которым разум познает мир, соответствуют законам природы. Большинство ученых, не задумываясь, принимает эту идею на веру. Можно спросить физика или биолога: научные законы, которые мы открываем, соответствуют законам внешнего мира, или же они являются только условным способом его описания? Ученый может ответить, что эти законы мы удостоверяем на опыте.

На это можно привести много возражений. Во-первых, из наблюдаемых фактов не следует их необходимость, во-вторых, факты можно обобщить разными способами, и, наконец, в-третьих, может быть, сами факты искажаются при восприятии или же за них мы принимаем иллюзии сознания.

Но можно ли доказать, что законы познания соответствуют законам природы, и поэтому мир именно такой, как он выглядит в научном познании? Декарт честно попытался доказать это, однако убедительно для всех обосновать, что мир реален и законы разума соответствуют законам природы, невозможно в принципе. Декарт нашел обоснование, пусть и не убедительное для всех, но способное удовлетворить родственных ему по способу мышления людей.

Однако он прекрасно видел возможные возражения. Даже если Бог вкладывает в меня законы разума, как узнать, что я не извратил их подобно умалишенному, который живет в своем вымышленном мире?

Сложную идею легко извратить, но невозможно извратить предельно простую, не придав ей большую сложность. Следовательно, надежной защитой от заблуждений будет умение разлагать любые сложные объяснения на простые составляющие и приводить их в соответствие с очевидными истинами ума. Для этого Декарт разрабатывал правила для руководства ума:

исходить из очевидно истинного, разлагать сложную проблему на составляющие ее простые, затем переходить от простых вещей к более сложным, максимально учитывая все факторы и ничего не пропуская. Таким образом, любая сложная задача сводится к набору простых.

Мир должен соответствовать простым и ясным законам разума, так как именно простота законов обеспечивает адекватность познания мира. Среди всех законов природы наиболее простыми для понимания являются механические, поэтому именно они лежат в основе более сложных законов. Декарт описывал все физические явления как столкновения движущихся масс в соответствии с тремя основными законами, в которых он предвосхитил законы классической механики Ньютона. При этом общее количество движения в мире остается неизменным с момента его сотворения. Законы природы универсальны и в равной степени действуют в любом месте и в любое время. В соответствии с ними мир мог существовать изначально и сколь угодно долго без всякого божественного вмешательства. При условии знания исходных условий можно точно определить развитие всех физических процессов по законам природы.

Казалось бы, такое понимание противоречит учению о сотворении мира, но Декарт и здесь нашел объяснение: Бог творит мир таким, каким этот мир мог бы существовать по законам природы всегда. Но почему тогда Бог, во власти которого создать любые миры и изменять истинность этических и математических законов, создает именно такой физический мир, в который практически не вмешивается? Но и на этот вопрос у Декарта есть ответ: законы мира соответствуют законам разума, поскольку именно в таком виде отражают совершенство Бога. Ведь для Декарта несомненность и самоочевидность для разума и есть признак совершенства, поэтому Бог творит именно такой мир, а не другой, т. е. самодостаточный в своем существовании и прозрачный для познания разумом.

В одной стороны Декарт выступил как предтеча современной науки, но, с другой стороны, Декарт выстраивал теорию физического мира, опираясь на умозрение, а не на эксперимент. В этом аспекте он был ближе к средневековой науке, чем к естествознанию в современном понимании. Это проявлялось в том, с какой непринужденностью он создавал умозрительные объяснения физически процессов. В частности, Декарт выстраивает значительную часть своей теории на умозрительной предпосылке, согласно которой протяженность является свойством субстанции, а не пустого пространства. Соответственно пустота, по мнению Декарта, это ничто, которое само по себе не может иметь протяженности. Эта предпосылка берет начало еще в античности. В соответствии с представлениями древних греков космос понимался как гармония телесных форм, в которой нет пустого места, при этом именно форма тел задавала их пространство, а не наоборот.

Например, если бы из кувшина выкачали всякую материю, то он, по мнению Декарта, схлопнулся бы, так как не может быть в пространстве пустого места. Следовательно, всякое место, из которого что-либо удалено, должно тут же заполняться другой материей. Поскольку протяженность – это свойство субстанции, то никакая субстанция не может расширяться в пространстве, а наблюдаемое расширение происходит за счет впитывания других субстанций подобно тому, как губка набухает, впитывая воду. Аналогично и тело движется таким образом, что оставленное им место тут же заполняется другими телами. Поскольку заполнение происходит непрерывно, то и материя должна быть непрерывной, что исключает существование атомов. Из этих умозрительных рассуждений Декарт делал вывод, что материя делима до бесконечности, и на разных ступенях процесса своего дробления она образует, твердые тела, воздух, звезды и межзвездное пространство.

Некоторые основанные на умозрении выводы Декарта современные ученые посчитали бы совсем уж наивными. Например, то, что материя Солнца очень подвижна подобно материи пламени, однако в отличие от пламени Солнце не нуждается в питании. Для современной физики такие умозрительные построения неприемлемы, а современная модель ядерных реакций на Солнце получена путем не умозрения, а обобщения наблюдаемых процессов. Хотя и тут

не все так однозначно: в середине XX века физик Николай Козырев выдвинул не признанную современным научным сообществом, но очень интересную теорию о том, что Солнце светит не за счет внутренних процессов горения, а за счет действия, вызванного особым свойством времени, которое он постулировал. Поэтому умозрительный декартовский подход в физике хоть и не является сейчас основным, тем не менее может оказаться плодотворным на стадии формирования научных гипотез, расширяя горизонты научного творчества.

Поскольку Декарт выводил строение мироздания дедуктивным путем из умозрительной предпосылки, а не из экспериментальных данных, то многим современным физикам такой подход будет казаться произвольным, однако он вполне приемлем в теоретических науках – прежде всего, в математике и отчасти в фундаментальной физике.

Умозрительный подход позволял Декарту свести все сложные законы мира к простым механическим. Это давало философу уверенность в адекватности познания мира, но привело его к позиции механицизма, уподобляющей мир часовому устройству. Такое упрощение понимания сложных явлений привело к новому неразрешимому противоречию. Ведь если тело человека подчинено законам физического мира, то как тогда обосновать свободу воли, которая управляет телом? Если же разум управляет телом в полном соответствии с законами физического мира, то свободе воли вовсе не остается места. Поэтому продолжатели традиции рационализма Бенедикт Спиноза и Готфрид Вильгельм Лейбниц вовсе отказались от идеи свободы воли.

Рене Декарт, однако, не отказывался от этой идеи и пытался объяснить, каким образом воля может управлять телом. Ведь тело, считал он, принадлежит материальной субстанции, основным свойством которой является протяженность. Все процессы в такой субстанции определяются законами движения и столкновения и не подразумевают свободную волю, которая принадлежит идеальной субстанции. Таким образом, всего в мире только две субстанции, и человек слагается из обоих.

Современная наука позволяет описать движение руки более сложным образом, чем у Декарта: как сложную биохимическую реакцию, вызывающую сокращение мышц. Но суть от этого не меняется. В любом случае каждый физиологический процесс в теле человека предопределен предшествующим процессом, и в этой цепочки причинно-следственных отношений нет места для свободы воли. Причем мозг такой же материальный объект, как и все тело, и также обусловлен биохимическими реакциями, поэтому сам не может воспроизвести действие свободной воли. В самосознании же человек ясно чувствует, что сам свободно управляет рукой.

Таким образом, современная наука не может объяснить, каким образом человек может управлять телом по своей свободной воле. Ведь сколько бы мы ни исследовали физиологию мозга и нервной системы, признаков свободной воли никогда не найдем. Это вынуждает современных нейрофизиологов признать свободную волю иллюзией, которую формирует мозг.

Однако Декарт пытался решить противоречие между осознанием собственной свободной воли и физиологической обусловленностью всех процессов в теле. Он описывал аффекты как телесные состояния и разрабатывал теорию рефлекса, объясняющую работу тела без вмешательства души, что дало толчок развитию физиологии. Кроме того, он ввел закон сохранения движения: акт сознания человека не может создать нового телесного импульса, но может перенаправить уже имеющиеся импульсы в новое русло. Когда импульсы движения в руке пребывают в равновесии, рука покоится, когда получают команду изменить направление, рука приходит в движение, но количество импульсов от этого не меняется.

Животных Декарт уподоблял механизмам без души и потому применительно к ним не видел никакого противоречия в таком объяснении. Все было бы намного проще, если бы и человека можно было бы описать как подобный механизм. Однако человек обладает самосо-

знанием и способен сам своей свободной волей управлять собой, а это обстоятельство выходит за границы физиологического объяснения.

Но даже при таком объяснении остается непонятным, как сознание, которое по своей природе вне пространства, дает команды материальному телу? Декарт не мог представить на это философский ответ и поэтому обошелся медицинским пояснением. Он указал на эпифиз – шишковидную железу в мозгу человека, которая и перераспределяет команды сознания в импульсы, передающиеся по нервной системе. Философский ответ Декарт дать не смог, потому что при такой постановке вопроса ответ в принципе невозможен.

Данная проблема оказалась неразрешимой не только для Декарта, но и для современной науки, которая исключает само понятие свободы как ненаучное. Ведь наука изучает не все, а только то, что подчиняется определенным закономерностям, которые может удостоверить независимый наблюдатель, в то время как свобода воли, напротив, входит за пределы наблюдаемых закономерностей. Однако эту проблему смог решить Иммануил Кант через полторы сотни лет после того, как ее поставил Декарт. Кант обосновал, что в эмпирическом мире (области, которую мы постигаем органами ощущений) все подчинено закономерностям. Однако человек может обнаружить априорное в самосознании. Априорный уровень сознания первичен по отношению к эмпирическому миру и не зависит ни от чего, что в потоке времени. Именно благодаря тому, что этические принципы априорны, человек способен на нравственные поступки независимо от внешних эмпирических обстоятельств. Если человек руководствуется в своих действиях не внешними обстоятельствами, а априорными принципами, то он становится свободен от внешних обстоятельств и царящих там закономерностях.

Ошибка Декарта заключалась в том, что он пытался согласовать свободу воли и физиологические закономерности, которым подчинен процесс в теле, на эмпирическом уровне, а это принципиально невозможно. И поскольку всякая наука изучает человека с эмпирической позиции в качестве внешнего чувственно данного объекта, то она принципиально не может обнаружить свободу воли, сколь бы долго ни развивалась. Свобода воли обнаруживается в самосознании только на априорном уровне, который первичен по отношению к внешнему миру.

Заслуга Декарта в том, что он выявил противоречие между свободой и необходимостью, и, хотя он не имел теоретических средств его разрешить, тем не менее не стал избегать этой проблемы, а честно показал все трудности, с которыми столкнулся. В этом проявилась особая черта характера Декарта – честность, которая сопровождала его стремление к познанию.

Рене Декарт стоял у истоков новой эпохи, его философия несла переходный характер. Его научное объяснение мира базируется на умозрительных допущениях, которые не проверяемы эмпирически. В частности, заполненность мира материальной субстанцией, которая в постоянном движении и бесконечно дробится, из осколков которой образуются звезды и небеса.

В тоже время, Декарт во многом проявляет себя как ученый в современном понимании этого слова. Он сформулировал понятие научного закона, предложил законы движения, которые согласуются с классической механикой, оперировал идеей бесконечности мира, представил эволюционное понимание физического мира, разработал современную математическую символику и т. д. Но главное, он поставил основной вопрос, который определил дальнейшее развитие европейской философии – вопрос о познаваемости мира, – и решал этот вопрос как философ Нового времени – методом радикализации сомнения.

Николай Карпицкий

Сомневайся во всём

Правила для руководства ума

Перевод В.И. Пикова

Декарт жил в эпоху революции, происходящей в умах и в науке. Отказ от старых представлений, основанных на авторитете и общепризнанных умопостигаемых истинах, угрожал потерей опоры в поиске надежного знания. Для Декарта жизненно важно было убедиться, что его стремление к познанию не сводится к пустой игре ума и поэтому любое научное знание можно обосновать на очевидных для ума истинных предпосылках. Но для этого был необходим метод, который позволил бы распутать любой клубок запутанных вопросов, опираясь на фундамент твердых и очевидных истин.

С этой целью Декарт пишет методологический трактат «Правила для руководства ума», в котором методы познания сводятся к исходным простым правилам. Время начала работы над трактатом точно неизвестно, а сам трактат так и остался незавершенным, но главную свою мысль Декарт в нем выразил. В 1628 году или в самом начале 1629 года трактат приобретает тот окончательный вид, в котором он известен сейчас.

Впрочем, эта работа еще не дает представление о философской системе Декарта в целом. Для ее понимания лучше обратиться к трактату «Первоначала философии» (1644 г.), в котором он обобщает основные идеи метафизики, к его книге «Размышления о первой философии» (1640 г.) и к программному труду «Мир» (1634 г.). Однако принципы мышления и познания он излагает в «Правилах…», которые могут служить методологическим введением в философию Декарта.

Николай Карпицкий

Правило I

Целью научных занятий должно быть направление ума таким образом, чтобы он выносил прочные и истинные суждения о всех встречающихся предметах

> Декарт считает, что обыденное мышление запутывает и усложняет понимание, а научное мышление, напротив, приводит к простоте понимания на основе твердых и истинных суждений. Поэтому нужно отказаться от ошибок обыденного мышления. Например, если две вещи чем-то похожи, то люди склонны переносить свойства одной из них на другую. Исходя из этого, специалисты в какой-либо одной узкой области начинают судить обо всем многообразии мира со своей узкоспециальной точки зрения. Не понимая многообразия, они не только не постигают всеобщей мудрости, но и не задумываются о здравом смысле.

Заметив какое-нибудь сходство между двумя вещами, люди имеют обыкновение приписывать им обеим, даже в том, чем эти вещи между собою различаются, свойства, которые они нашли истинными для одной из них. Так, они ошибочно сравнивают науки, всецело заключающиеся в познании духа, с искусствами, требующими лишь некоторого телесного упражнения и расположения, и видя, что один человек не может научиться одновременно всем искусствам, но легче становится хорошим мастером тот, кто занимается лишь одним из них, – ибо приучиться одними и теми же руками возделывать землю и играть на цитре или одновременно

выполнять множество других различных действий не так легко, как делать что-нибудь одно, – они придерживаются такого же мнения и о науках. Отличая одну науку от другой на основании различия их предметов, они полагают, что и изучать их нужно отдельно, оставив все прочие. В этом они глубоко ошибаются, ибо если все знания в целом являются не чем иным, как человеческой мудростью, остающейся всегда одинаковой, как бы ни были разнообразны те предметы, к которым она применяется, и если это разнообразие имеет для нее не более значения, нежели для солнца разнообразие освещаемых им тел, то не нужно полагать человеческому уму какие бы то ни было границы. Изучение одной науки не препятствует нам, как это имеет место при упражнении в одном искусстве, преуспевать в другой, но скорее даже способствует. И, право, мне кажется удивительным нрав большинства людей: они весьма старательно изучают свойства растений, движение звезд, превращение металлов в предметы подобных наук, но почти никто и не помышляет о хорошем уме (bona mens) или об этой всеобъемлющей Мудрости, между тем как все другие занятия ценны не столько сами по себе, сколько потому, что они оказывают ей некоторые услуги. Поэтому не без основания мы ставим настоящее правило во главе всех других, ибо ничто не отклоняет нас от прямого пути к искомой истине более, нежели направление наших занятий не к этой общей цели, а к тем или иным целям частного порядка. Я не говорю здесь о дурных и предосудительных целях, которые преследуются, например, из тщеславия или позорного корыстолюбия, ибо ясно, что лживые расчеты и низкие уловки грубых натур открывают к ним пути гораздо более короткие, нежели тот, который доступен действительному познанию истины. Я разумею здесь честные и похвальные намерения, ибо и они, часто незаметно, вводят нас в заблуждение, как, например, когда мы стремимся к приобретению полезных знаний ради житейских удобств либо ради удовольствия созерцания истины, доставляющего почти единственное в этой жизни не омрачимое никакими печалями блаженство. Это законные плоды, которые мы бесспорно в праве ожидать от занятия науками. Но если мы во время наших занятий будем слишком много о них думать, то может случиться, что мы упустим многое из того, что необходимо нам для познания других вещей, ибо с первого взгляда они покажутся нам либо мало полезными, либо мало занимательными. Нужно думать, что все науки настолько связаны между собой, что легче изучать их все сразу, нежели какую-либо одну из них в отдельности от всех прочих. Следовательно, тот, кто серьезно стремится к познанию истины, не должен избирать какую-нибудь одну науку, – ибо все они находятся во взаимной связи и зависимости одна от другой, – а должен заботиться лишь об увеличении естественного света разума и не для разрешения тех или иных школьных трудностей, а для того, чтобы его ум мог указывать воле выбор действий в житейских случайностях. Вскоре он удивится тому, что продвинулся гораздо далее, нежели те люди, которые занимаются частными науками, и достиг не только тех результатов, которых они хотели бы добиться, но и других, более ценных, о которых те не смеют и мечтать.

Декарт делает вывод, что все науки связаны и в основе многообразия знания лежит всеобщая мудрость, постичь которую значительно легче изучая все науки сразу, а не по отдельности. Здесь следует выделить важный момент, который раскрывает культурный смысл позиции этого философа. В Средневековье объяснить явление означало соотнести его с высшей истиной, то есть с такой идеальной определенностью, которая подтверждается авторитетами, традицией или религиозным откровением. Однако Декарт является человеком новой эпохи, поэтому истину ищет в критическом переосмыслении познавательных способностей. В дальнейшем, в соответствии с логикой развития науки, этот путь приведет к разрыву между научным знанием и простотой человеческой интуиции, представляющей мир на простых самоочевидных истинах. Но этого Декарт не мог знать, а если бы узнал, то вряд ли смог бы с этим смириться. Поэтому он уверен, что

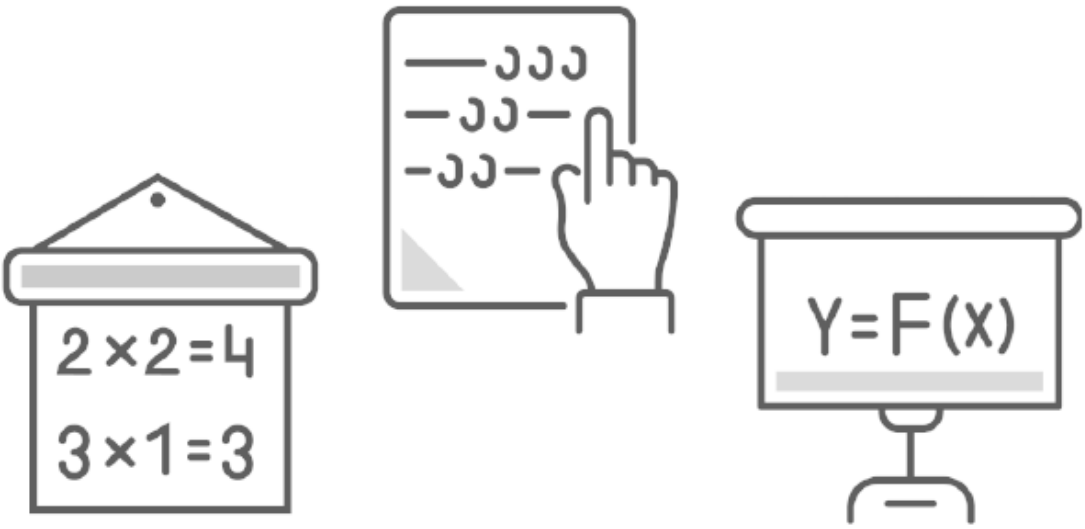
может найти за разнообразием научного знания всеобщую мудрость, то есть ту же определенную истину, но которая теперь была бы удостоверена не авторитетами и традицией, а критическим мышлением.

Правило II

Нужно заниматься только такими предметами, о которых наш ум кажется способным достичь достоверных и несомненных познаний

Познание должно вести к простоте истины, поэтому важно правильно выбрать его путь. Неопределенное и запутанное знание, в котором трудно разграничить истину и ложь, лишь отдаляет нас от цели. Путь познания должен быть прямым, поэтому исходить следует из тех наук, которые дают максимально определенное знание, исключающее ложное толкование.

Всякая наука заключается в достоверном и очевидном познании, и тот, кто сомневается во многих вещах, не более сведущ, чем тот, кто о них никогда не размышлял. Но я считаю первого даже менее сведущим, если он составил относительно некоторых вещей ложное мнение. Поэтому лучше не заниматься совсем, нежели заниматься исследованием настолько трудных вещей, что, будучи не в силах отличить в них истинное от ложного, мы вынуждены допускать в качестве достоверного сомнительное, ибо при таких занятиях приходится не столько надеяться увеличить свои знания, сколько опасаться их уменьшить. Поэтому мы отвергаем настоящим правилом все познания, являющиеся только вероятными, и полагаем, что можно доверять только совершенно достоверным и не допускающим никакого сомнения. Быть может, ученые убеждены в том, что такие знания чрезвычайно редки, ибо вследствие известного недостатка, свойственного человеческому уму, они не считают их заслуживающими внимания как слишком легкие и доступные всем; я, однако, заявляю, что число их несравненно больше, нежели они предполагают, и что их достаточно для достоверного доказательства множества таких вещей, о которых они доныне могли высказывать лишь предположения. Считая недостойным своей учености признаться себе в незнании чего-либо, они до того привыкли разукрашивать свои ложные доводы, что мало-помалу убедили ими самих себя и начали выдавать их за истинные.



Впрочем, если мы будем строго соблюдать это правило, то для нас останется весьма немного вещей, изучению которых мы могли бы себя посвятить, ибо вряд ли в науках найдется какой-либо вопрос, по которому ученые не расходились бы в своих мнениях. А всякий раз, когда два человека придерживаются противоположных мнений об одном и том же, несомненно, что по крайней мере один из них ошибается или даже ни один из них не владеет истиной; ведь если бы доводы одного были достоверны и очевидны, то он мог бы изложить их другому так, что наконец убедил бы его. Следовательно, обо всем том, что нам дает основание лишь для предположений, мы, по-видимому, не в состоянии достигнуть совершенного познания, ибо мы не можем без излишнего самомнения считать себя вправе надеяться на большее, чем другие. Поэтому, если наш расчет верен, из всех наук остаются лишь арифметика и геометрия, к изучению которых и приводит нас соблюдение этого правила.

> Неразрешимые споры в науке указывают на то, что ученые обращаются не к твердым истинам, а лишь к правдоподобным мнениям. Возможно, что занятие науками о сложных вещах, позволяющих получать только правдоподобное мнение, полезно для тренировки ума или обучения, но в поиске истины следует исходить из таких дисциплин, которые дают надежную неоспоримую истину. Такими дисциплинами являются арифметика и геометрия.

По этой причине мы, однако, не осуждаем ни те приемы философствования, которые применялись до нашего времени другими, ни употребление вероятных силлогизмов, являющихся превосходным оружием в школьных турнирах, ибо они упражняют и в соревновании двигают вперед умы молодых людей, а лучше уж образовывать их умы на таких мнениях, которые очевидно не являются достоверными, поскольку служат предметом ученых споров, чем предоставлять их самим себе. Быть может, без руководителя они низвергнулись бы в пропасть; покамест же они следуют по стопам учителя, пусть даже иногда и уклоняясь от истины, они, конечно, идут более верным путем, по крайней мере потому, что этот путь был уже изведан людьми более опытными. Мы сами счастливы тем, что получили такое воспитание в школах. Но освободившись теперь от уз, которые связывали нас со словами учителя, и сделавшись, наконец, достаточно зрелыми для того, чтобы убрать руки из-под его ферулы, если мы серьезно желаем установить себе правила, с помощью которых мы могли бы подняться на вершины человеческих знаний, то нам бесспорно надлежит поставить на первый план это правило, удерживающее нас от злоупотребления нашим досугом, как это делают многие люди, которые всячески пренебрегают легкими занятиями и занимаются только трудными вещами. Правда, относительно последних они искусно строят остроумнейшие догадки и весьма правдоподобные суждения, но после многих трудов они поздно убеждаются в том, что, не получив никаких знаний, только увеличили свои сомнения.

Но если, как мы уже говорили несколько выше, из всех прочих известных нам наук только арифметика и геометрия чисты от всего ложного или недостоверного, то заметим теперь, чтобы доказать более подробно справедливость сказанного, что мы приходим к познанию вещей двумя путями, а именно: путем опыта и дедукции. Кроме того, заметим, что опыт часто вводит нас в заблуждение, тогда как дедукция, или чистое умозаключение об одной вещи через посредство другой, если и может быть упущено, когда его нельзя усмотреть, то никогда не может быть плохо построено, даже и у умов, весьма мало привычных к мышлению. Мне кажется, что те пути, с помощью которых диалектики рассчитывают управлять человеческим разумом, не могут принести большой пользы, хотя я и не отрицаю их пригодности в другом применении. Действительно, все заблуждения, в которые впадают люди – я не говорю о животных, – никогда не проистекают из плохо построенного вывода, но всегда имеют своей причи-

ной то, что люди исходят именно из плохо понятых фактов или из поспешных и необоснованных суждений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.